Письмо III

Читтенден, вт[орник]. 30 сентября.

Я всё-таки продолжаю питаться той надеждой, что если бы меня считали слабоумным, легковерным, нечестным, лживым либо неспособным к выполнению возложенного на меня поручения, то издатели двух лучших передовых газет в Нью-Йорке не выбрали бы меня один после другого экспертом в деле спиритуализма и не послали бы меня, тратя на это большие деньги, инвестигировать необыкновенные феномены, происходящие в Читтендене, феномены, поставившие в тупик всю здравомыслящую Америку; вследствие чего я покорнейше прошу многочисленную компанию корреспондентов, адресовавшихся ко мне по этому предмету в продолжение всего прошлого месяца, впредь избавить себя от труда, а меня от скуки посылать и получать эти письма. «Непрошенный совет смердит», – гласит арабская пословица, более энергичная, чем изящная. Я знаю свое дело и твердо решился объявить свету обо всем, что ни увижу, и *так, как* я это увижу, ни словом более или менее. Невеждам из различных местностей, которых я в глаза не видал и которые, невзирая на то, адресуются ко мне с глупыми просьбами[1] – читать запечатанные письма, угадать счастливые номера в лотерее и писать убедительные статьи о спиритуализме для вящего удостоверения в истине оного их же, корреспондентов моих скептиков – я скажу одно: все их письма отправляются тотчас же по прибытии в ближайшую печь. Я, конечно, забочусь меньше, чем о медном фартинге[2], верят ли они в спиритуализм или нет. Если я передаю верно и подробно существующие факты, то всякий из этих господ имеет столько же шансов, как и я сам, создать себе на них собственную теорию.

Вообразите себе медика из Индианы, присылающего мне грязный пакет, весь простеганный насквозь швейной машиной, и хладнокровно обращающийся ко мне, совершенно незнакомому ему человеку, с просьбою снабдить его порохом, дабы подорвать либо его самого, либо спиритуализм, прочитав его запечатанное и прошитое письмо через Эдди!

Или какого-то сен-луисского[3] идиота, желающего узнать через меня цифры главного номера, который выйдет в ноябрьскую лотерею?

Или еще какую-то сентиментальную деву из Иллинойса, сгорающую желанием узнать, кто таков будет ее будущий супруг?

Эдди получают подобные послания ворохами. По появлении моего первого письма о них в газете «Сён» они стали получать их от сорока до пятидесяти с каждой почтой от граждан обоего пола из всех городов Соединенных Штатов. Этот факт – лучшее для меня доказательство, насколько интересен для каждого животрепещущий вопрос о спиритуализме. Но теперь обратимся к главному.

Как ни малопривлекателен сам ветхий дом братьев Эдди, но обрамляющие его окрестности поистине очаровательны. Глубоко приютившись в родной долине, из каждого окна его открывается вид на густо поросшие травой покатости, ведущие на горы Веромонта; горы эти, как бородатые великаны, все покрытые дремучим лесом, то окутываются в облака в ненастные дни, то приветливо сияют на солнце, переливаясь в голубых и алых волнах света, и как будто сторожат этот особенный, таинственный уголок мира, так далеко запрятавшийся от подобных себе жилищ. Сейчас за домом расстилается низменный луг, столь зеленый и бархатистый, что я не раз желал, чтобы который-нибудь из наших ландшафтных живописцев срисовал бы его с его пасущимися стадами, быстрыми горными ручьями и главными строениями, резко отделяющиеся на густо покрытом леском заднем плане. Этот лес только что начинает наряжаться в свою царственную, столь привлекательно яркую осеннюю мантию; и от подножия до макушек своих горы сверкают яхонтами и золотом по изумрудному полю, словно драгоценные камни, разбросанные по праздничному платью нашей матери-природы. Но всё это величие, красота и прелесть ее, как

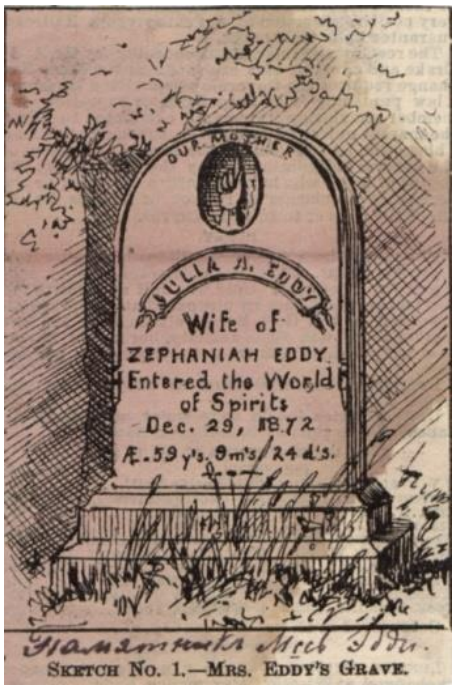
[1] Далее зачеркнуто: про.

[2] То есть меньше, чем о копейке. Медный фартинг – мелкая английская монета, равная 1/4 пенни или 1/960 фунта стерлингов.

[3] Сент-Луис (St. Louis) – город в штате Миссури.

видно, мало успели вселить насколько-нибудь облагораживающих чувств в сердцах жителей Читтендена. Все они народ прозаический и, привлекая внимание их к окружающим нас красотам природы, мне ни разу не удавалось расшевелить в них сочувствия к моему восторгу. Эдди составляют, впрочем, исключение из общего правила. Не то чтобы они тратили много энтузиазма на воспевание родных долин и гор, но природная нежность сердца их выказывается в общей любви и заботливости к воспитанию голубей, собачек, попугаев, канареек, уток и цыплят и старании воспользоваться каждой свободной от домашних работ минутой, чтобы поливать и ухаживать за любимыми цветами и растениями.

Соседнее кладбище – горестно заброшенное, заросшее бурьяном место, но ограда, окружающая их фамильный уголок, вся обсажена красивыми кленами, и за могилами ухаживают любящие и верные сердца. Могила бедной мистрис Эдди до того характеристична, что я посылаю вам эскиз с нее. На белом памятнике стоит, как видите,[4] следующая не совсем обыкновенная эпитафия: «Нашей матери: Юлии А.Эдди. Жене Зефании Эдди. *Отправилась в мир духов* 29 дек[абря] 1872 [года]».

SKETCH NO. 1.—MRS. EDDY'S GRAVE.

1

Английские туристы нашли бы себе довольно развлечений в лазании по горам и прогулкам по трущобам, но мы, американцы, мало пользуемся подобным случаем. В глубине этих лесов рычат многочисленные черные медведи; лисицы сожительствуют в безмятежном спокойствии в норах своих; соболя, куницы, хорьки, ежи и даже временами пантеры изобилуют, терпеливо выжидая выстрелов охотника, а пестрая форель греется на солнечном луче, спокойно плавая на поверхности холодного горного ручья своего, редко тревоженная удочкой рыбака, потому что головы посетителей этой местности, – съезжающих со всех, иногда самых далеких мест Америки, – так наполнены чудесным и таинственным, что они по целым дням сидят, собираясь в отдельные группы и рассуждая обо всем виденном ими накануне, стараясь разгадать заранее, что придется им еще увидать такого в следующие вечера.

Поистине разнообразная то и разношерстная[5] толпа! Между ними вы встретите настоящих леди и джентльменов, аристократов финансового мира, pur-sang[6] Никобокеров[7]; издателей и

[4] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 октября) с подписью Е.П.Блаватской «Памятник мрс Эдди» (см. рис. 1); подпись под рисунком: «Sketch №1. Mrs. Eddy's grave» («Эскиз №1. Могила мистрис Эдди»).

[5] Далее зачеркнуто: то.

[6] чистокровных (*фр.*).

[7] *Knickobocker*'ы: первые поселенцы Америки, и считаются аристократами. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

адвокатов, экс-духовных лиц; изобретателей, архитекторов, фермеров; агентов миллионерных К° и комиссионеров, торгующих магнетическими мазями и таинственными пакетиками; длинноволосых мужчин и обстриженных женщин; гогочущих утиц и распевающих петухов, достойных сожителей их; женщин с «идеей в голове» и мужчин и женщин без оной; людей со здравым умом и людей с умом нездоровым; болезненных мечтателей обоего пола, толкующих о «духовных сферах», «кондициях субъекта» и «духах-путеводителях»; «ясновидящих» и «магнетических целителей», настоящих и подставных; медиумов для стучания и для писания; «апостолов» с одной рукой, а иногда и с обеими; людей из различных, самых противоположных мест; хороших, умных людей, с которыми приятно встретиться и жаль расставаться; и людей, которые распространяют вокруг себя магнетические миазмы, почти настоль же приятные, как и знаменитый запах *Fetis americanus*[8]. Они являются и исчезают поодиночке и в компаниях; иные уезжают после одного сеанса, убежденные в том, что видали *живых* людей, а *не духов*: значит, их хотели надуть, но большинство посетителей уезжает[9] домой, пораженное всем виденным, не находя достаточно слов выразить свое удивление и борясь с безотчетным, быстро овладевающим ими чувством смущения и религиозного страха. Ярко отделяющим всю эту разнообразную панораму грунтом является на заднем фоне семейство хозяев со своими холодными, резко-робкими[10] речами и угловатыми манерами, принимающие новоприбывших с недоверчивостью и живя спустя рукава. Те, которые остаются с ними дольше, живя по неделям, привязываются к ним всё более и более, потому что они с каждым днем открывают, насколько видимая нелюдимость и мизантропия братьев – одно лишь внешнее проявление внутреннего долгого страдания, следствие несправедливости и жестокости людской, но что сердце у них доброе и чистое, как золото. Мне никогда не случалось встречать кого-либо, кто бы более их жил внутренней жизнью; и для них находиться в постоянных сношениях со Страною Безмолвия кажется столь же естественным, как казалось оно браминским анахоретам в первые века мироздания.

Двое из любимейших всеми мест в окрестностях фермы «грот Хонто» и «могила Сантума», эскизы с которых, набросанные вашим артистом, я препровождаю вместе с письмом. Слово «грот» слишком лестно, быть может, в этом случае, так как им назван просто громадный кусок скалы, прислонившийся в падении своем о другой такой же, чем оба и образовали род неправильного навеса над шумно пробегающим горным ручьем. Этот грот находится в глубоком, темном ущелье, столь густо обросшим лесом, что даже полуденные лучи солнца с трудом пробиваются сквозь листву его. Прозрачные, однообразно журчащие[11] воды потока, пробуждая непрерывное эхо, увеличивают таинственную прелесть этой местности; поверхность скалистых стен грота покрыта такими чудными арабесками и иероглифами – следствие постоянной ледяной сырости, – что невольно приходит мысль поискать под этими фантастически искривленными разводами полуистертые письмена какого-либо преисторического народа. Тропинка, ведущая к гроту, едва ли окажется удобной для ноги, немного объемистее ноги дикой козы; она извивается и ползет по горе, отбрасываясь в сторону при каждом встречном болоте, заглядывая в провалья и балки, карабкаясь по скалам, следуя вверх по течению ручья и не раз отсылая домой с разбитым носом усталого любопытного, доверившегося ее извилистому пути.

Единственный когда-либо снятый с этой местности эскиз был срисован Альфредом Кэпписом (артистом, посланным «Графиком»)[12] с натуры. Фигуры, сидящие кругом скалы, принадлежат особам, которые присутствовали при достопамятном спиритском сеансе 24 мая 1874 года. Все они были очевидцами одного из необычайнейших явлений из бесконечного ряда феноменов, происходящих у Эдди, и скептики имеют полное право обращаться – ради

Никербокеры (*нидерл.* Knickerbocker) – семья первых голландских поселенцев, прибывших в Америку в 1674 г. и основавших Новый Амстердам, который позднее стал Нью-Йорком.

[8] По всей видимости, ошибка в написании; возможно, речь идет о неприятном запахе, которую выделяет американский скунс (Mephitis americanus).

[9] Далее зачеркнуто: изумленное и.

[10] Далее зачеркнуто: манерами.

[11] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 октября) с подписью Е.П.Блаватской «Грот Хонто в Читтендене» (см. рис. 2); подпись под рисунком: «Sketch №2. “Honto’s gave”» («Эскиз №2. “Грот Хонто”»).

[12] Альфред Каппес (Kappes, 1850–1894) – американский художник.

удостоверения – к следующим личностям, если желают разузнать о подробностях моего правдивого, хотя, признаюсь, на первый взгляд невероятного описания этого сеанса; все эти личности хорошо известны в своих околотках и не откажутся подтвердить то, что уже раз показали под присягою: «Мистер *Эндрю Бэб* (г. Лудлоу, Массачусетс)[13], *Чарльз Уэкфилд* (Бостон)[14], *Дже[й]мс Литтл*[15], *Лэ[й]к Жорж* (адвокат в Нью-Йорке)[16], *А.Б.Суифт* (банкир)[17], доктор *Сэйл* (Эрлвил[л], Н[ью]-Й[орк])[18], мистрис *Каролина Госс*[19], доктор медицины *М.Э.Джуэт*[20], *Альберт Фрост* (из Рутланда)[21] и проч. и проч.». Ночь была теплая, и полная луна высоко стояла на небе. Компания собралась рано и уже собиралась отправиться наверх, когда внезапно решили держать сеанс в этот вечер не дома, но где-нибудь в лесу. Выбрали «грот Хонто» и, потащив за собой несколько досок для более удобного сидения, все гости Эдди, не теряя времени, отправились туда.

Под аркой, сформированной скалами, наскоро устроили из старой шали род занавеса; наложили хворосту и зеленых ветвей, и задняя стена грота, сооруженная для произведения временной темноты, столь необходимой [при] материализации духов, мигом была окончена; перебросив через ручей – под сводом – доску, поставили на ней складной стул, и Уллиам Эдди, неохотно расставшись с неугасаемой трубкой своей, сел в своем импровизированном «кабинете» на складной стул и немедленно впал в «транс». Составляя эскиз, артист был вынужденным выпустить занавес и задний – составленный из листвы – фон для более ясного изображения платформы и общей картины.

В продолжение нескольких минут зрители этого таинственного кружка оставались совершенно безмолвными, и ночная тишина была прерываема лишь одним журчанием ручья, жужжанием насекомых да шелестом листьев, дрожавших под ночным, весенним ветерком. Вдруг чья-то рука отдернула занавес и дюжая фигура индейца, с головы до ног одетого в полный костюм своей нации, выглянув из-за занавеса, приостановилась на секунды две, потом разом вышла вся, пошла, не колеблясь, по руслу, остановилась на самой середине ручья и, наклонясь, стала черпать воду рукою, делая вид, будто пьет. Глаза всех зрителей были устремлены на индейца, когда вдруг раздалось внезапное восклицание: «Посмотрите, посмотрите! Там наверху, на скале!», и высоко над головами сидящих на узкой площадке скалы появилась, ярко отделяясь на облитом лунным светом фоне, гигантская фигура Сантума, духа, обычного посетителя Эдди, столь знакомого бывавшим у братьев гостям. Затем[22] очерк женской фигуры явился в свою очередь на той же скале, правее; отчетливо отделяясь на самом краю обрыва, она наклонилась над ним и внимательно взглянула на пораженную изумлением группу зрителей. Таким образом, все три призрачных гостя оставались минут с десять на виду, затем мало-помалу стали исчезать на глазах у зрителей и, наконец, совершенно пропали.

После их одна за другой стали появляться тени, – если можно назвать тенью материализованного духа, которого нет возможности отличить в первые минуты от живого человека. Явилась сама Хонто, эксиндейская дева, приобретшая давным-давно всякие права гражданства в читтенденской обители; став на колени у ручья на фута два расстояния от зрителей, она стала плескать водой; за ней появилось несколько других краснокожих скуòу[23], одни с грудными младенцами, другие ведя детей-призраков за руку, каждый из духов одетый в костюм своего племени, в разноцветные бусы и перья, столь дорогие сердцам этих простодушных детей природы; Уллиам Эдди, между тем, говоря всё время в «кабинете» своем громко и безостановочно, невзирая на состояние «транса», для того, как пояснили потом сами духи, «чтобы

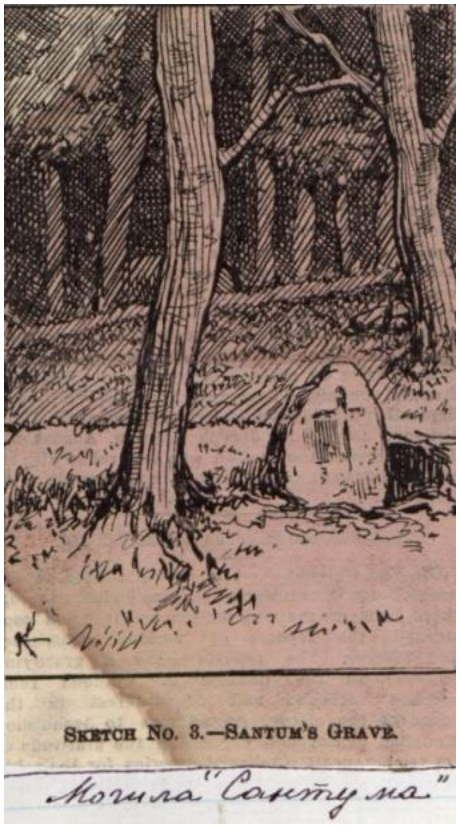
[13] Andrew Beebe; Ладлоу (Ludlow) – город в графстве Хэмпден, штат Массачусетс.
[14] Charles Wakefield.
[15] James Little.
[16] Lake George.
[17] A.B.Swift.
[18] Sayle; Earlville.
[19] Caroline Goss.
[20] Mary E.Jewett.
[21] Albert Frost.
[22] Далее зачеркнуто: фи.
[23] Скво (*англ.* squaw) – женщина индейских племен Северной Америки.

вся публика могла остаться уверенной, – слыша голос его постоянно раздающимся в гроте, – что не сам медиум представлял все эти лица».

2

Затем из-за занавеса показалось лицо «белого», который объявил зрителям громким и твердым голосом, что «довольно с них на первый раз и этого, а что если они желают видеть кой-что еще чудеснее для них, то могут прямо отправляться на близнаходящуюся поляну, когда-то бывшую любимым местом кочевки у индейцев». Поляна эта – гладкая, ровная просека, так называемое в Америке *плато* – находится в полмили расстояния от фермы Эдди и сохранила доселе следы давно минувших дней, когда на ней держались вокруг огней советы индейских воинов. Самые костры прожгли глубокие ямы под дерном поляны и свидетельствуют редким посетителям о далеком прошлом, хотя их пламя давно угасло, а дикие храбрецы, опочив много десятков лун тому назад, являются теперь лишь одними минутными призраками, временно покидая тропы охотничьих лесов и земель своих в Стране Великого Духа! Высокий клен, осина и громадный дуб группируются вокруг тихой, безмолвной просеки, словно какие бессменные часовые стоят эти гиганты. Немые свидетели невозвратного прошлого, они укутывают родную долину траурными тенями[24] густых, широко разросшихся ветвей своих, под сенью коих – на памяти людей доселе живых еще – представители некогда могучих племен собирались праздновать кровавые пиршества свои. Немного в стороне полуовальный, плоский камень означает место, где один из знаменитейших воинов их, храбрый вождь Сантум (или скорее – в виду того факта, что я знаю сего воина почти ежедневно в его духовско-телесном образе, – мне следовало бы сказать: тело его), был похоронен преданным народом своим. Курган под напором тысяч бурь и дождей совсем почти исчез, и огромный клен, – ствол которого на высоте четырех футов от земли разросся в 7 фут[ов] толщины, – пустив глубоко корни свои в землю, смешал их с прахом вождя и, кто знает, быть может, впитал самого вождя в сердцевину свою. На камне, как представлено на эскизе, красуется грубо высеченный крест – работа одного из братьев Эдди[25].

3

И так, наши искатели чудес отправились на указанную духами поляну, наскоро смастерили «кабинет» посредством прикрепленных к стволам деревьев шалей, и Уллиам снова вошел в него.

[24] Далее зачеркнуто: от.

[25] Далее в рукописи вклеен рисунок из газеты «The Daily Graphic» (1874, 9 октября) с подписью Е.П.Блаватской «Могила Сантума» (см. рис. 3); подпись под рисунком: «Sketch №3. Santum’s grave» («Эскиз №3. Могила Сантума»).

После нескольких минут ожидания призрачный образ Ахзы Спраг[26], бывшей публичной ораторши (lecturer) о спиритуализме, весьма любимой и даже довольно знаменитой в нашей стране, неожиданно явился перед сидящими, и тут же громким, совершенно натуральным и столь знакомым для многих голосом своим стал держать речь, говоря в продолжение пятнадцати минут о пророческом значении овладевающего светом феномена[27]; вся фигура ее, черты лица и даже само выражение подвижного, одушевленного облика ясно обрисовывались в светлых волнах лунного света. За нею выступил из «кабинета» родной брат мистрис Госс, богатой леди из Албани, умерший всего только несколько недель; он подошел к сестре совсем близко и долго говорил с нею шепотом; за ним явился какой-то краснокожий индеец, который рискнул отойти от своего медиума на более [чем] двадцать футов расстояния, полез на высокое дерево, ухватился рукою за тоненькую ветку и, покачавшись на ней, исчез. Чудеса этого достопамятного вечера кончились появлением духа покойного Уллиама Уайта, издателя журнала «Баннер оф лайт»[28], главного органа последователей новой веры[29]. Мистер Уайт вышел одетым в черный фрак, белый жилет и тонкую рубашку с золотыми запонками, такими, какие он носил при жизни, тогда как на Уллиаме был надет его будничный рабочий костюм, состоящий из пестрядинной[30] рубашки без жилета, старых брюк и сапогов до колен. В руках бывшего издателя находился номер журнала его, развернув и открыв который он показал публике, указывая пальцем на заглавие, сделавшееся столь знакомым читателям вследствие своей громадной циркуляции.

На другое утро гг. Сэлей[31] и Суифт снова посетили грот с желанием отыскать на сыром, вязком грунте оного следы ног вечерних, таинственных посетителей, так как оттиск даже самой легкой детской ноги должен бы был оставить отпечаток свой на мягкой почве, но невозможно было найти ни малейшего *следа нигде*, хотя оба искали долго и тщательно. Призраки материализовались, видно, каждый на том самом месте, где он показывался, не оставив за собою ни малейшего земного следа.

[26] Achsa W.Sprague (1827–1862) – американская спиритуалистка, лектор, писательница, аболиционистка и защитница прав женщин.

[27] То есть спиритуализма.

[28] Уильям Уайт (William White, 1813–1873) – американский редактор спиритуалистического журнала «Banner of Light» («Знамя света»), издатель книг по спиритуализму.

[29] То есть спиритуалистов.

[30] Пестрядь – грубая бумажная ткань из разноцветных ниток.

[31] Saley.